

Дж.И. Месхидзе

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ «ИСТОРИИ» БАСКОВ
О ЗНАКАХ ГРОЗЯЩЕГО МИРУ УНИЧТОЖЕНИЯ
В ЗАПИСЯХ Е.В. БАЛАБАНОВОЙ**

Имеющиеся в баскских легендах и сказаниях знаки будущего «уничтожения» / «конца» мира можно отнести — с известной долей условности — к «небесным» и к «подземным». Примечательно, что в архивных материалах Екатерины Вячеславовны Балабановой, которые остаются до сих пор невестребованными, присутствуют и тот, и другой.

«Все это мне совершенно не нужно», — признавалась исследовательница кельтской культуры, адресуя папку с записями о путешествиях в Пиренеи 1890 и 1904 гг. Николаю Яковлевичу Марру [Мое последнее путешествие... 1904: 2]. Свои путевые заметки она начинала так: «Летом 1890 г. захотелось мне заглянуть в старинную жизнь уголков баскских деревушек, расположенных в глубоких долинах Пиренейских гор и на морском побережье за Биаррицем, и постараться собрать многоцветные обломки давно прошедшего. Многие из моих парижских знакомых очень хвалили красоту ландшафта и первобытное гостеприимство этих древних обитателей западного побережья» [Старинная жизнь... 1890: 2]. В сопровождении кузины-художницы Агаты, чей отец был бретонцем, Е.В. Балабанова направилась из Парижа сначала в Бордо, потом в Байонну и Биарриц, оттуда пешком в Сен-Жан де Лютер, а затем и дальше — зафиксировать «кое-какие предания, легенды или просто побеседовать со стариками о былой жизни» [Там же: 5].

Как предупреждали осведомленные люди, «разговорить» стариков и выпросить у них хранящиеся в памяти предания непросто, поскольку они «боятся насмешек даже своей молодежи, очень радикальной в большинстве, мало разговаривают вообще, а уж с чужими людьми и подавно» [Там же]. А поэтому путешественницам пришлось прибегнуть к нехитрым «подходам» для знакомства и общения с ними. Бродя по пастбищам, девушки старались установить дружеский контакт сперва с пастушками и детьми: «вооруженная палитрой и красками» Агата легко располагала их к себе, рисуя портреты и окружающий пейзаж, после этого проявлять интерес к ним стали уже и местные жители «вполне солидного возраста». Хорошо владевшая «простонародным» бретонским языком Е.В. Балабанова отмечала, что разговоры велись «полубретонским, полуиспанским языком. Жестикуюлируя немилосердно, наши собеседники отвечали нам по-баскски, вплетая провансальские, испанские, французские слова, выходило что-то на манер нынешнего эсперанто, но в конце концов мы все уже начали понимать друг друга», а вскоре и «передружились» [Там же]. В ту поездку исследовательница записала немало сказаний, в частности — «Змеи и Пиренейский Геркулес». Вот его текст.

«Рассказывают, что в окрестностях Люшона, Бигорра и других соседних местностях, где именно, мне не удалось узнать, петух снес яйцо и зарыл его в навозной куче. Яйцо в такой жаре, разумеется, раскрылось, и из него выползла огромная змея, обладавшая таким сильным дыханием, что она втягивала в себя маленьких птичек и даже детей, которые неосторожно приближались к ее пещере. Эта пещера находилась у входа в прелестную долину, окруженную красивыми невысокими холмами. Пастухи охотно водили туда свои стада, но вот когда змея поместилась в этой пещере, она не раз втягивала в себя и проглатывала целые стада с их пастухами и собаками. Это случалось особенно часто близ деревни Арбуикс, множество жителей и стад из этой деревни погибли в ужасной пасти этого чудовища. Тогда один из жителей Арбуикса, очень храбрый человек, решился или погибнуть, или избавить свою страну от этого страшного бедствия: он установил горн в самом уединенном и скрытом месте по дороге к пещере и выковал полосу железа. Когда полоса совершенно покраснела, он тихо свистнул, а сам поскорее спрятался. Чудовище выползло из своего логова и, увидев красную полосу, сразу ее проглотило. Раскаленное железо обожгло внутренности, оно бросилось пить, чтобы утолить внутренний жар, и пило так много и долго, что под конец околело. Вода, которую оно проглотило, вылилась из пасти и образовала озеро Изабит. Жители Арбуикса в благодарность за спасение подарили их храброму освободителю всю долину, где паслись их стада, и освободили его навсегда от всяких налогов. Потомки его пользуются и до сих пор правом не платить налоги. Хотели спасенные жители окрестных деревень из костей чудовища построить часовню, но когда часовня была готова, начал засыпать эту местность крупный град, и шел он непрерывно целые дни и ночи. Тогда люди поняли, что Господу Богу была негодна часовня из костей проклятого чудовища, они ее разрушили, а кости сожгли, и тогда град прекратился. Но, говорят, у чудовища осталось яйцо, которое находится на одной из самых высоких вершин глубоко, глубоко под землей, и через 52 тысячи лет оно поднимется из своих глубин, и на свет явится невиданное чудовище, которое уничтожит весь мир» [Там же: 25–26].

Весной 1904 г. Е.В. Балабанова решила вновь отправиться в Пиренеи и побродить по западному побережью (уже в обществе своей приятельницы Ольги Михайловны Петерсон), а главное — «побывать у басков, в их деревнях и рыбацких поселках» [Мое последнее путешествие... 1904: 3]. Исходным на этот раз стало ее «любимое место» — Баньер ди Бигорр, откуда дальнейший путь привел в баскский поселок Лакруа. Там со слов одного «старичка» она взяла на карандаш рассказ «Комета (звезда с хвостом)», действие которого относилось к 1852 г.

Обитатели Лакруа прочитали в газетах, что «скоро появится звезда с хвостом», тогда и «начались разные толки: одни говорили, что звезда эта спалит землю и что мы все скоро помрем, другие уверяли, что эта звезда своим хвостом перевернет землю; третьи — что это звезда Антхриста и т.п. Народ повалил к священнику каяться в грехах и приготовился к смерти. Священник и в церкви, и в школе старался разъяснять народу всю несостоятельность паники, говорил людям, что хвост ко-

меты газообразный <неразборчиво>, что, следовательно, ни сжечь, ни перевернуть землю она не может, ну куда тебе — станут ли слушать умные речи, и даже и слушать-то не стали. Сказал им священник, что есть у него отличная подзорная труба, и когда появится комета, пускай люди идут к нему смотреть в нее. Это не помогло. Дети сбегали к священнику посмотреть в трубу, <неразборчиво> вернулись в полном восторге: видели они далеко вдаль то, чего до сих пор и не видели, но и это не помогло: говорили люди, что Господь умудряет Святых отцов и невинных детей, а мы, грешные люди, ничего в нее не увидим. Когда появилась комета на небе — плач и стон стояли в деревне невероятные. Правда, многие умерли от разрыва сердца, некоторые сошли с ума. Цельные дни шли молебствия в церкви: священник выписал себе в помощь викаррия из Бигорра, пришли <неразборчиво> монахи из соседнего монастыря, — одним словом, люди никогда так не молились, как в то время. Священник наш был очень стар и вскоре от переутомления скончался, тогда стали уверять, что видели, как пролетал он в объятиях ангела смерти мимо блестящей кометы. Народ успокоился только тогда, когда комета исчезла» [Там же: 9–10].

Две приведенные выше «истории» запечатали мотивы предвещения и ожидания будущего, бытовавшие в среде баскских крестьян. Говоря о распространенности образов змеи / дракона в баскоязычной зоне, нельзя не привести слова Х. Каро Бароха, который писал, что он «мелькает в некоторых сказках прибрежной зоны, а также в агнографических и / или генеалогических легендах с христианским подтекстом, встречающихся прежде всего на востоке и в центре Баскского края. В портах Гипускоа еще совсем недавно детям рассказывали об “egansuguia”, живущей в пещерах прибрежных скал» [Каро Бароха 2004: 185].

Кстати, ученый заметил: «Уже Вильгельм фон Гумбольд во время своего путешествия по Баскскому краю задавался вопросом о причинах сходства некоторых сказок, которые еще рассказывали в касерио, с древнегреческими легендами», таких, например, как история Деяниры с участием баскского Геракла по имени «Chomin sendo» = могучий Доминго» [Там же]. В легенде «Змеи и Пиренейский Геркулес» обращает на себя внимание то обстоятельство, что яйцо, из которого должно предстать свету и уничтожить весь мир «невиданное чудовище», находится и поднимется из глубин одной из самых высоких Пиренейских вершин (т.е. представление о нем непосредственно ассоциируется с культом гор). Что же касается «небесного» знака приближения «конца» мира — кометы, то, невзирая на широчайшую распространенность связанных с ним представлений, донесенный Е.В. Балабановой материал является ценным свидетельством с точки зрения своей явленности и эмоциональной окрашенности в конкретном месте и времени.

Библиография

Каро Барохо Хулио. Баски / Пер. с исп. и вступ. ст. Р.Н. Игнатьева: М., 2004.

Мое последнее путешествие по западному побережью Пиренейских гор, в сопровождении Ольги Михайловны Петерсон, в 1904 г. Лично собранный материал от басков Е. Балабановой // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 77, оп. 3, ед. хр. 5.

Старинная жизнь и старинные воспоминания Пиренейских гор и долин, собранные Е. Балабановой в 1890 г. // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 77, оп. 3, ед. хр. 6.

Е. В. Ревуненкова

ПТИЦА И ЗМЕЯ У НАРОДОВ ИНДОНЕЗИИ

Образы птицы и змеи широко распространены в культуре различных народов Индонезии и имеют различные манифестации прежде всего в религиозно-мифологических представлениях и скульптурно-изобразительном искусстве.

Начнем с того, что основой государственного герба Республики Индонезия является гаруда — мифическая птица, появившаяся вместе с распространением индуизма на островах Малайского архипелага. В древнеиндийской мифологии гаруда является царем птиц и ездовым животным (ваханой) бога Вишну и представляет собой хищную птицу наподобие орла, сокола или ястреба настолько огромных размеров, что своими расправленными крыльями может затмить солнце. Гаруде приписывается мощная магическая разрушительная сила, способная уничтожить государства, вызывать бурю или одним только движением ног перевернуть корабль в океане. Образ гаруды стал популярным персонажем мифологии и литературы Индонезии, особенно на Яве. Изображение этой священной птицы часто встречается в различных иконографических версиях. Орнаментальные мотивы, связанные с гарудой, постоянно присутствуют в тканях, выполненных в технике батика у яванцев. Большое разнообразие подобных узоров имеется в коллекции яванских тканей в МАЭ, относящихся как к началу, так и к концу XX в. Это либо изображения птицы целиком, либо узоры, представляющие ее отдельные части — только крылья или высоко поднятый птичий хвост, фланкируемый широко расправленными крыльями. Гаруда в декоре батиков во всех иконографических версиях является символом власти и могущества [Чукина 1990: 14–25].

Согласно мифологии батаков (сев. Суматра) одно из главных божеств Верхнего мира — Мула Джади («создатель всего сущего») — сотворил мир с помощью двух ласточек и петуха [Stöhr, Zoetmulder 1965: 57]. Весьма важная роль в религиозно-магических представлениях батаков, прежде всего племени тоба, принадлежит петуху, который часто ассоциируется с божеством Верхнего мира и мужским началом. К его деревянному изображению обращаются и ждут ответа во время войн, голода, эпидемий [Pleyte 1891: 289–290]. Перья петуха являются неременной составной частью головного убора мифического предка, скульптурное изображение которого имеется в верхней части магиче-